

О. И. НЕКРАСОВА (Сыктывкар)

УПОТРЕБЛЕНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В ПЕРЕВОДЕ 1882 ГОДА ЕВАНГЕЛИЯ ОТ МАТФЕЯ НА КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК

Abstract. Specific Use of Adverbial Participles in the 1882 Translation of the Gospel of Matthew into the Komi-Permyak Language

The article analyses the use of the adverbial participle in the 19th-century printed monument of the Komi-Permyak language — the translation of the Gospel of Matthew (published in 1882) performed in the absence of a standardized literary language. The translation contains participles with the following markers: *-икӧн/ -ыкӧн, -ыкас, -тӧн, -тӧг* and *-ӧмӧн*. While recognising the positive role of the translation for the Komi-Permyak literary language, it should be noted that remarkably often literal translation or translation loans are used there to render Church Slavonic constructions.

Keywords: Komi-Permyak language, adverbial participle, Gospel of Matthew.

Переводы Библии на коми-пермяцкий язык

Начало переводов на коми язык связано с именем епископа Стефана Пермского, который переводил библейские тексты на древнепермский язык во второй половине XIV в. Потребность в таких переводах стала одним из главных факторов зарождения письменности у многих народов, в том числе и у коми, как на зырянском, так и на пермяцком языках (Ӧньӧ Лав 2010 : 212).

Евангелие от Матфея на коми-пермяцком языке «Миян Господьвон Исус Кростосвон вежа бур-ювор Матвейсянь комӧн» представляет собой памятник переводной литературы периода становления коми-пермяцкого литературного языка. Первые полные печатные переводы Евангелия от Матфея на коми-пермяцкий язык увидели свет во второй половине XIX в. в двух вариантах. Первый, напечатанный в Лондоне в 1866 г. латиницей, сделан священником Кудымкарской церкви Авраамием Поповым и отредактирован Ф. И. Видеманом (*Das Evangelium Matthäi*). Второй подготовлен Ф. И. Видеманом и напечатан в Санкт-Петербурге в 1882 г. на кириллице (Грейдан, Пономарева 2010 : 206). В. А. Степанов (Ӧньӧ Лав) относит их к раннепечатному периоду донациональной эпохи коми-пермяцкого литературного языка (Степанов 2009 : 262—267).

Таким образом, переводы текстов на коми-пермяцкий язык в XIX в. связаны с именами Н. А. Рогова, Авраамия Попова, Ф. Й. Видемана.

Вклад Н. А. Рогова в исследование коми-пермяцкого языка отметил еще в XIX в. А. Дмитриев: «Словарь Н. А. Рогова до селе остается единственным в своем роде трудом по отношению к Пермской народности [---] какую научную важность представляют филологические труды Н. А. Рогова о пермяках, его пермяцкая грамматика и словарь» (Дмитриев 1889 : 10, 24). Переводчика Авраамия Попова можно считать сотрудником и помощником Н. А. Рогова. В Предисловии к словарю (1869) Н. А. Рогов пишет: «За небольшое, посильное сотрудничество я много благодарен местным жителям Лариону Тараканову, Николаю Любимову и священнику Авраамию Попову, с которыми часто советовался для разъяснения слов, редко употребляемых». Ф. Й. Видеман известен как крупный финно-угровед, составитель грамматик нескольких финно-угорских языков, переводчик. Как и некоторые другие ученые того времени, не имея возможности напрямую общаться с носителями языка, он использовал готовые фиксации удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого материалов (Тепляшина 1965 : 11; Терюков 2008 : 229—245). Так как Ф. Й. Видеман непосредственно участвовал в подготовке переводов Евангелия от Матфея, неудивительно, что названные труды, несмотря на ряд различий, демонстрируют и общие языковые особенности (Оньё Лав 2010 : 212—213).

Несмотря на существенный недостаток переводов библейских текстов XIX — начала XX в. — преобладание буквального перевода (Цыпанов 2004 : 195; Грейдан, Пономарева 2010 : 208), перевод Евангелия привлекает внимание как опыт перевода на коми-пермяцкий язык и отражение специфики языка XIX в., его южной диалектной зоны. По мнению Т. И. Тепляшиной, памятники письменности представляют особый интерес для исторической диалектологии (Тепляшина 1965 : 3). Интерес представляет в том числе и практика перевода синтаксических структур типологически разных языков, в данном случае — деепричастий и деепричастных оборотов (в отношении церковнославянского языка речь идет о действительных причастиях настоящего и прошедшего времени). Как известно, основой переводов Евангелий на языки народов России и на русский язык служили старославянские и греческие тексты. В синтаксисе церковнославянского языка причастия действительного залога именительного падежа выполняют важнейшую роль как т. н. второстепенные сказуемые (Афанасьева 2016).

В. А. Степанов (Оньё Лавом) ранее анализировал некоторые особенности первого полного печатного перевода Евангелия от Матфея на пермяцкий язык (Оньё Лав 2010), однако сравнений с другими источниками не проводил. Перевод осуществлялся на южнопермяцкое наречие. Относительно деепричастий отмечается, что их суффиксы в переводе формально отличаются от принятых в настоящее время: вместо коми *П-икö* использована форма с конечным *-н*: *-икöн* (*муныкöн* 'идя'). В синонимичном ему *-тöн* почему-то отсутствует палатализация и удвоение *-н* при добавлении определенно-притяжательного суффикса с огласовкой *-а*: *мунтöнас* (вместо *мунтöннас*). Что касается синтаксиса, то в значительной степени калькируются конструкции языка-источника. В нефинитных оборотах главное слово занимает начальную позицию: *пырикöн*

пыжӧ 'заходя в лодку' (Ӧньӧ Лав 2010 : 212—225), поэтому с точки зрения норм коми-пермяцкого языка деепричастные обороты в переводе инверсированы. Здесь в качестве сравнительного материала привлекались переводы Евангелия на коми-зырянский язык А. Шергина (Миян Господьӧн (1823)), Евангелия от Матфея на старославянском и русском языках (Господа Нашего 1820; Евангелие 2016), переводы глав Евангелия от Матфея, сделанные Н. А. Роговым (Роговъ 1860 : 161—164).

Деепричастия и деепричастные конструкции в тексте памятника

В тексте встречаются деепричастия с *-икӧн/-ыкӧн*, *-ыкас*, *-тӧн*, *-тӧг* и *-ӧмӧн*. Сравнение вариантов 1866 и 1882 гг. показало, что в переводе 1882 г. Ф. Й. Видеман деепричастные формы и конструкции, за небольшими исключениями, оставил без существенных изменений, т. е. сохранил формы и конструкции деепричастий А. Попова.

Деепричастия на *-тӧн*

В коми-пермяцком языке деепричастия с *-тӧн* (диал. *-тӧнь*) имеют грамматическое значение второстепенного действия, одновременного с главным (Майшев 1940 : 60—61; КПЯ 280—283; Кривошекова-Гантман 1985 : 614). Однако, опираясь на ошибочные данные Н. А. Рогова (1860 : 56), отнесшего формы с *-тӧн*, *-тӧн* к деепричастию прошедшего времени и заимствовавшего систему определенно-притяжательных форм из того же источника, переводчик в Евангелии 1882 г. деепричастия на *-тӧн* использовал для передачи глагольных форм со значением предшествования дополнительного действия прошедшего времени, что чаще всего соответствует деепричастиям совершенного вида русского языка с *-в*, *-вши*, *-ши*, *-а(-я)* или причастиям действительного залога именительного падежа прошедшего времени церковнославянского, например:

- (1) *Свугаес петтӧнныс туйесвӧ, ӧктӧмась быдӧнӧс* (Матфей XXII 10) 'И вышедши рабы те на дороги, собрали всех'
- (2) *Сета тӧныт, усътӧнат юрбытан кӧ меным* (Матфей IV 9) 'Все сіе дамъ Тебе, ежели, падши, поклонисься мне'

Деепричастия применяются только в определенно-притяжательной форме, согласуясь в лице и числе с глаголом-сказуемым. Ф. Й. Видеман (Wiedemann 1884 : 176—177) инструментальную форму имен на *-t* тоже неправомерно отнес к деепричастиям законченного действия вместе с комиП *-мысьт* и *-мысьтӧн* (Цыпанов 2011 : 132), приведя систему определенно-притяжательного склонения форм на *-тӧн* из грамматики Н. А. Рогова (см. таблицу).

Из записок Н. А. Рогова известно, что при составлении грамматики коми-пермяцкого языка ему помогала живая речь народа из иньвенской дачи, поэтому в его работах зафиксированы формы кудымкарско-иньвенского диалекта середины XIX в., а также нердвинского диалекта (Баталова 1975 : 10). Современные данные южных диалектов коми-пермяцкого языка (Баталова 1975 : 192; 1990 : 125; 1995 : 119; 2002 : 108) об удвоении *-н* в определенно-притяжательных формах при деепричастиях с *-тӧнь* демонстрируют, с одной стороны, вариативность:

-төн'ам, -төн'ат, -төн'ас и т. д. (Баталова 1990 : 125; 1995 : 119; 2002 : 108), -төн'н'ам и т. д. (Баталова 1975 : 192), с другой, сходство с данными Н. А. Рогова (см. таблицу), но формы множественного числа Н. А. Рогова отличаются: -төннь: определенно-притяжательные формы 1 мн. ч. -төннным — -төнньным; 2 мн. ч. -төнньнт — -төнньнянт; 3 мн. ч. -төнньныс — -төнньняыс (см. таблицу).

**Определенно-притяжательные деепричастия с -төн (-төннь)
в разных источниках**

	Н. Роговъ (1860 : 56)	А. Попов (Das Evangelium Matthäi 1866) Ф. И. Видеман (Матфей 1882; Wiedemann 1884 : 177)	Кудымкарско- иньвенский диалект (Баталова 2002)	Современный ко- ми-пермяцкий литературный язык (Кривошекова- Гантман 1985 : 614)
1 ед. ч.	-төннам/ -төннjam (также в текстах перевода Евангелия: -төннjыс)	-төннам/ -төнnam	берт-төн'-ам 'я во время своего возвращения'	-төннnam
2 ед. ч.	-төннат/ -төннjат	-төннат	берт-төн'-ат 'ты во время своего возвращения'	-төнннат
3 ед. ч.	-төннас/ -төннjас	-төннас	берт-төн'-ас 'она во время свое- го возвращения'	-төнннас
1 мн. ч.	-төннным/ -төннjным	-төннnum	берт-төн'-аным 'мы во время наше- го возвращения'	-төнннаным
2 мн. ч.	-төнньнт/ -төннjньнт	-төннnyт	берт-төн'-аныт 'вы во время ваше- го возвращения'	-төнннаныт
3 мн. ч.	-төнньныс/ -төннjньныс	-төннnyс	берт-төн'-аныс 'они во время их возвращения'	-төнннаныс

Деепричастия на -ыкөн/-икөн

Вторая по употребительности деепричастная форма с -ыкөн/-икөн использована вместо комиП с -ик, -икö, например, муныкөн 'идя'. Суффикс (инструменталь формы -ик) не встречается ни в коми-зырянских, ни в коми-пермяцких грамматиках того времени (Ф. Любимов, Н. А. Рогов), он зафиксирован Р. М. Баталовой лишь во второй половине XX в. как функционирующий вместе с -икын в верхнекамском наречии коми-пермяцкого языка (Баталова 1975 : 221; 1982 : 150, 152), изоли-

рованного от других диалектов коми-пермяцкого языка и считающегося «переходным» между коми-зырянским и коми-пермяцким; из коми-пермяцких диалектов зона верхнекамского наречия граничит только с зоной кудымкарско-иньвенского диалекта. Остается догадываться, почему А. Попов не использовал комиП *-ик*, *-икӧ*, не исключена аналогия под влиянием коми-зырянского материала (деепричастия с *-игӧн*). Деепричастия с *-икӧн/-ыкӧн* представлены как неизменяемые формы со значением одновременности дополнительного действия, которым соответствуют действительные причастия настоящего времени церковнославянского языка, деепричастия несовершенного вида русского языка, например:

- (3) *Иисус ветвӧм быдӧс каръезӧт и ованъезӧт вевӧтыкӧн ныя синагогаезын, проповедуитыкӧн був-ювӧр [---]* (Матфей IX 35) 'И проходилъ Иисусъ все города и селенія, уча въ синагогахъ ихъ, и проповедуя Евангеліе царствія [---]'
- (4) *Пырыкӧн керкуӧ, здоройайтче сые шуыкӧн: мир сыя керкувӧ* (Матфей X 12) 'А входя въ дом, приветствуйте его, говоря: миръ дому сему'

Однако встречается употребление *-ыкӧн* (*-икӧн*) синонимично *-тӧн*, т. е. со значением предшествования дополнительного действия, например:

- (5) *Иисус бергӧтчикӧн и адсивтӧнас сые висътавӧм [---]* (Матфей IX 22) 'Иисусъ же, обратясь и увидя ее, сказалъ [---]'
- (6) *Сӧки Иисус ведзикӧн отирӧс пырӧм керкуӧ* (Матфей XIII 36) 'Тогда Иисусъ, отпустивъ народъ, вошелъ в домъ'

Деепричастия на *-ыкас*

Деепричастие с комиП *-ыкас* (*-ык* + определенно-притяжательная форма 3 ед. ч. иллатива-инессива *-ас*) встретилось в переводе лишь один раз в разносубъектной конструкции (*куйвыкас* 'лежа (букв. при лежании его)'). Подобные конструкции характерны для коми-пермяцкого языка, но не для русского, следующего принципу единосубъектности деепричастий. В тексте русского оригинала употребляется конструкция с постпозитивным причастным оборотом, который характеризует субъект как дополнение к признаку, обозначенному сказуемым:

- (7) *Сибӧтчем сы дынӧ инь, кодывӧн вӧвы ававастрӧвӧй доз тыр дона мирӧ, кисьтӧм сывӧ юр вывӧ куйвыкас* (Матфей XXVI 7) 'Приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову' (в церковнославянском варианте: 'и возливаше на главу его возлежаща')

Деепричастия на *-ӧмӧн*

Переводчик редко пользуется деепричастиями с *-ӧмӧн*, в отличие от деепричастий с *-ыкӧн*:

- (8) *Рӧспинайтъсыес сые пайсавӧмась сывысь паськӧмъессӧ жӧребей чяпкӧмӧн* (Матфей XXVII 35) 'Распявше же Его, разделили одежды Его, кинувъ жеребий'

При сравнении с переводом Н. А. Рогова видно, что *-ыкӧн* (у А. Попова и Ф. Й. Видемана) и *-ӧмӧн* (у Н. А. Рогова) могут употребляться синонимично, например, у Ф. Й. Видемана:

(9) [---] *tӧнат сарь воктӧ тӧ ордӧ рам, пукавыкӧн чань-осӧв вывас* [---]

У Н. А. Рогова:

(10) [---] *сӧ Сарь тыян, воктӧ тӧ ордӧ рам, пукавӧмӧн том ӧсӧл вывас* [---] '[---] Царь твой грядетъ къ тебе кротокъ, сидящъ на ослице и жеребяти [---]' (Матфей XXI 5)

Деепричастия на *-тӧг*

Каритивные формы деепричастия с *-тӧг* встречаются в переводе редко, например,

(11) [---] *адзивӧм мӧдыкъезӧс сувавысьезӧс базар вывын уджавтӧг* (Матфей XX: 3) '[---] увидель другихъ стоящихъ на торгу праздно'

(12) [---] *а идзас согас дугдытӧг сотчем биӧн* (Матфей III 12) '[---] а солону сожжетъ огнемъ неугасимымъ' (*дугдытӧг сотчем* букв. 'беспрерывно горящий')

В коми-пермяцком языке образование деепричастий с *-тӧг* ограничено (КПЯ 16, 282), Н. А. Рогов в грамматике 1860 г. относит формы с *-тӧг* к наречиям. Обращает на себя внимание конструкция, не характерная для каритива коми-пермяцкого языка: абсолютный деепричастный оборот *менам ютӧг сые* 'чтобы мне не пить ее, букв. не пив ее Мною':

(13) *Ешио мунтӧнас мӧдысь юрбытӧм шуыкӧн: айа менам! Оз кӧ позь сья бекӧрвӧ дынӧт пышыны мясьнь, менам ютӧг сые, ась воас тӧнат воля* (Матфей XXVI 42) 'Отче Мой! Если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя'

Необычный для коми-пермяцкого языка деепричастный оборот можно объяснить тем, что Ф. Й. Видеман, скорее всего, обращался к коми-зырянскому переводу Евангелия от Матфея А. Шергина (1823 г.), заимствовав из него некоторые элементы, ср. у А. Шергина: «*Бате менам! Оз кӧ позь тая чашалы ме дынысь мунны, Менам ютӧг сыес, мед лоас вӧля Тэнад*» (Миян Господьлӧн 83), у Ф. Й. Видемана (1882): [---] *менам ютӧг сые* [---]. В коми-пермяцком варианте перевода 1866 г. деепричастный оборот отсутствует: *кыдз оз вермы сья бекӧр минуйтны менӧ, медбы меным не юны сые* (Das Evangelium Matthäi 101) 'если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее'. Интересно также образование и употребление каритивных форм, не встречающихся в коми-пермяцком языке и грамматиках: *нем адзикӧн* (14), *абу дугдыкӧн* (15), *не тӧдыкӧн* (16).

1) Двойное отрицание распространено во многих языках, в том числе пермских. О нем, к примеру, пишет А. С. Сидоров, рассматривая категорию отрицания и способы ее выражения. Он отмечает отрицательное согласование каритивных образований с отрицательными и вопросительно-относительными местоимениями: «согласование по категории отрицания может иметь место и в непредикативных сло-

восочетаниях, в отглагольных оборотах, в этом случае согласование происходит не обязательно по связи со сказуемым, а по связи с отглагольным словом», по тому же принципу, как со сказуемым. С отрицательными местоимениями сказуемое может употребляться только в отрицательной форме» (Сидоров 1992 : 121–137).

- (14) *Адзивтöнас туй дорын öтык смоква пу сибöтчем сывань, нем адзикöн сывын öтнаныс корöсьес öпричь шуö сывö* (Матфей XXI 19)
 'И увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей [---]'

По правилу с отрицательным местоимением *нем* 'ничто, ничего' употребляется каритивное деепричастие, т. е. *нем аддзытöг* 'ничего не найдя, не находя, не видя', а не «положительное» *нем адзикöн* букв. 'ничего найдя, ничего видя'.

2) Конструкции «положительного» деепричастия на *-икöн* с отрицательными частицами коми *абу* 'не' и рус. *не* — *абу дугдыкöн, не тöдыкöн* — представляют собой кальку русского деепричастия с *не*: *абу дугдыкöн* 'не переставая; беспрестанно' (*абу дугдыкöн* = *дугдытöг*):

- (15) *Иисус абу дугдыкöн ешиö шуны нывö притчязöн висьтавöм* [---] (Матфей XXII 1) 'Иисус, продолжая говорить въ притчахъ, сказалъ имъ'

Автор перевода «положительное» деепричастие в обороте оригинала заменил синонимичным отрицательным: *продолжая* — *не переставая; не тöдыкöн* 'не зная' (*не тöдыкöн* = *тöдтöг*):

- (16) *Иисус висьтавöм нья шуöмвö: ылöтчятö не тöдыкöн ни гижötъес ни енвысь вынсö* (Матфей XXII 29) 'Иисусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: заблуждаетесь, не зная Писаній, ни силы Божіей'

Тенденция к калькированию русских конструкций коми-пермяцким языком в области деепричастия наблюдается в наше время. Е. А. Цыпанов отметил инновационные процессы образования отрицательных деепричастий с *-öмöн* путем присоединения отрицательной приставки/частицы *не*: *не тэрмасьöмöн* 'не торопясь, неторопливо' (Цыпанов 1999 : 74–75). Попытка искусственного создания каритивных деепричастий (отрицательная частица *абу* + деепричастие *-ыг*) в коми-зырянском языке параллельно исконному каритиву с *-тöг* встречается в грамматике Г. С. Лыткина, причем автор примеров не приводит: деепричастия *-ыг, -öмысьты; абу -ыг (-тöг); абу-öмысь-ты (-ттöг)* (Лыткин 1889 : 31). Во всяком случае, в настоящее время подобных глагольных конструкций в речи коми-зырян не зафиксировано.

Выводы

При выборе деепричастных форм и оборотов переводчики обращались к разным источникам, среди них грамматика Н. А. Рогова, коми-зырянский перевод 1823 г Евангелия А. Шергина (Миян Господьлөн). Следует отметить редкое употребление *-öмöн* и *-тöг* и активное — *-төн, -икöн (-ыкöн)*. Грамматическое значение деепричастий с *-төн* соответствует таковому деепричастий совершенного вида русского языка, а формаль-

ный облик определенно-личных форм — формам, описанным Н. А. Роговым (1862). Примеры деепричастий с *-tödz* отсутствуют. Признавая справедливым «немалое значение в сохранении языка, духовной культуры пермяцкого народа библейских переводов на их родном языке» (Грейдан, Пономарева 2010 : 203), прогрессивный характер переводческой деятельности, следует отметить некоторые негативные моменты, связанные с употреблением деепричастных форм и конструкций. Это и стремление к буквальному переводу, порождающему инверсирование; нарушение норм коми-пермяцкого языка, затрудняющее понимание текста; и попытки создания каритивных деепричастных форм с помощью калькирования моделей отрицательных деепричастий русского языка вместо использования потенциала коми-пермяцкого языка — каритивных деепричастий с *-tög*. Это сделало текст неестественным для носителей языка. Положительной стороной было использование деепричастной конструкции с *-икас* вместо постпозитивного причастного оборота.

Address

Olga Nekrasova
Institute of Language, Literature and History of the Komi Research Centre
E-mail: lesik3108@yandex.ru

Сокращения

Господа Нашего — Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие, от Матвея, Марка, Луки и Иоанна, так же деяние и десять посланий Святых Апостолов на славянском и русском наречии, Санктпетербург 1820; **Евангелие 2016** — Евангелие от Матфея. С толкованиями и комментариями трудных мест богослова Андрея Десницкого. <http://www.pravmir.ru/evangelie-ot-matfeya-s-tolkovaniyami-i-kommentariyami-chitat-onlajn>; **КПЯ** — Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962; **Матфей** — Миян Господьвон Иисус Христосвон вежа бур-ювөр Матвейсянь комиён, Питер-карын 1882; **Миян Господьлөн** — Миян Господьлөн Иисус Христослөн Святой Евангелие Матвейсянь, Санкт-Петербург 1823; **Das Evangelium Matthäi** — Das Evangelium Matthäi in den nördlichen Dialect des Permischen zum ersten Male übersetzt von P. A. Popov, durchgesehen von F. J. Wiedemann, London 1866.

ЛИТЕРАТУРА

- Афанасьева Н. 2016, Учебник церковнославянского языка. <http://www.blagogon.ru/biblio/232/>.
- Баталова Р. М. 1975, Коми-пермяцкая диалектология, Москва.
- — 1982, Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам (Коми языки), Москва.
- — 1990, Унифицированное описание диалектов уральских языков. Оньковский диалект коми-пермяцкого языка, Москва.
- — 1995, Унифицированное описание диалектов уральских языков. Нижнеиньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Гамбург.
- — 2002, Унифицированное описание диалектов уральских языков. Кудымкарско-иньвенский диалект коми-пермяцкого языка, Москва—Гронинген.
- Грейдан А., Пономарева Л. Г. 2010, Влияние библейского перевода на развитие коми-пермяцкого языка. — Перевод Библии как фак-

- тор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ. Проблемы и решения, Москва, 202—211.
- Дмитриев А. 1889, Пермская старина. Вып. 1, Пермь.
- Касаткина О. Н. 2005, Соотношение глубинного и поверхностного уровней структуры в текстах Евангелий Нового Завета. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Иркутск.
- Кривощекова-Гантман А. С. 1985, Краткий грамматический очерк коми-пермяцкого языка. — Р. М. Баталова, А. С. Кривощекова-Гантман, Коми-пермяцко-русский словарь, Москва, 614—615.
- Лыткин Г. С. 1889, Зырянский край при епископах пермских и зырянский язык, Санкт-Петербург.
- Любимов Ф. 2007, Краткие грамматические правила Принадлежащие к знанию Пермьского языка. Составленные города Соликамска Свято-Троицкого Собора Протоиереем Феодором Любимовым 1838 года Февраля 8-го дня, Пермь (Труды Института языка, истории и материальной культуры коми-пермяцкого народа. Вып. 5).
- Майшев И. И. 1940, Грамматика коми-пермяцкого языка, Ленинград.
- Онё Лав 2010, Лингвистический анализ первых изданий Евангелия на коми-пермяцком языке. — Перевод Библии как фактор развития и сохранения языков народов России и стран СНГ. Проблемы и решения, Москва, 212—225.
- Рогов Н. 1860, Опыт грамматики пермяцкаго языка, Санкт-Петербург. — — 1869, Пермьско-русский и русско-пермяцкий словарь, Санкт-Петербург.
- Степанов В. А. (Онё Лав) 2009, Опыт периодизации донациональной эпохи в истории коми-пермяцкого литературного языка. — Вестник Чувашиского университета 3, Чебоксары, 262—267.
- Сидоров А. С. 1992, Отрицательные обороты и предложения в коми языке. — А. С. Сидоров, Избранные статьи по коми языку, Сыктывкар, 121—137.
- Тепляшина Т. И. 1965, Памятники удмуртской письменности XVIII века (Выпуск первый), Москва.
- Терюков А. И. 2008, Из истории перевода Священного Писания на язык коми-зырян (П. И. Савваитов и Г. С. Лыткин). — Христианство в регионах мира. Вып. 2, Санкт-Петербург, 229—245.
- Цыпанов Е. А. 1999, Пермь-коми гижод кыв, Сыктывкар. — — 2004, Способы передачи русских придаточных предложений времени в коми переводах Евангелия от Матфея. — LU XL, 188—196. — — 2011, История и проблемы исследования деепричастий в коми языке. — Динамические процессы в системах пермских языков, Сыктывкар (Труды ИЯЛИ КНЦ УрО РАН. Вып. 68), 130—145.
- Wiedemann, F. J. 1884, Grammatik der syrjänischen Sprache mit Berücksichtigung ihrer Dialekte und des Wotjakischen, St.-Petersburg.